

УДК-323.2

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-121-130

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНЕТ-АКТИВИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ ФОРМ И МОДЕЛЕЙ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Брюханова

Брюханова Анастасия Андреевна, аспирант Аспирантской школы по социологическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва.
E-mail: briukhanovaa@mail.ru (ORCID: 0000-0003-4412-3814).

Аннотация

Представлен обзор теоретических подходов к исследованию интернет-активизма. Центральная проблема данной статьи – рассогласованность исследовательского поля интернет-активизма. Часть исследователей придерживаются мнения, что нет необходимости в создании новых теоретических подходов к изучению интернет-активизма. Противоположная точка зрения указывает на принципиальные отличия интернет-активизма и выступает за разработку специального теоретического подхода. В то же время, существует промежуточное мнение, которое предлагает адаптировать модели анализа социальных движений для исследования интернет-активизма. Основываясь на анализе исследований, придерживающихся указанных подходов, мы приходим к выводу, что последняя позиция является наиболее продуктивной, так как позволяет рассмотреть конкретные кейсы интернет-активизма и определить, какие составляющие интернет-активизма отличают его от социальных движений, а какие, напротив, сближают. Данный подход даст обоснования для формирования теоретической базы для изучения интернет-активизма. Кроме того, обзор освещает многообразие терминов, обозначающих интернет-активизм и его различные формы. Авторский анализ публикаций в базе данных Web of Science Core Collection позволил определить, что для обозначения интернет-активизма наиболее предпочтительным является термин «digital activism» (интернет-активизм в русскоязычных исследованиях). Данный анализ может помочь в установлении согласованности в исследовательском поле интернет-активизма.

Ключевые слова: цифровой активизм; киберактивизм; активизм социальных медиа; интернет-активизм; виртуальный активизм; формы интернет-активизма; цифровой активизм; хештег-активизм; логика соединительных действий; логика коллективных действий.

Введение

Быстрый рост использования информационных технологий в политической деятельности, их многообразие и неоднозначные последствия сделали интернет-активизм актуальной темой политических исследований. В связи с новизной феномена возникло большое количество новых терминов, обозначающих как само явление, так и его формы. Кроме самого понятия, недостаточно осмыслено место интернет-активизма и традиционных форм политического участия в современной социальной и политической теории, масштабы изменений, вызванных использованием сети, перспективы встраивания интернет-активизма в теорию социальных движений. Большое количество открытых вопросов привело к появлению разных, иногда противоположных, точек зрения. В данной статье мы представляем обзор основных трех групп концептуальных и теоретических подходов к изучению интернет-активизма. На основе сравнения исследований, придерживающихся данных подходов, мы обозначаем возможности их оптимизации. Кроме того, даем краткий экскурс в историю интернет-активизма.

Таким образом, обзор статей, приведенных в данном тексте, отражает различные точки зрения на соотношение теории социальных движений и исследований интернет-активизма. Подходы были сформированы в зависимости от того, как смоделированы исследования и в какой степени они опирались на теорию социальных движений. Для того, чтобы осветить, какие бывают теоретические подходы к исследованию интернет-активизма, мы также сделали обзор терминов, которыми пользу-

ются исследователи для обозначения интернет-активизма и его форм, так как отсутствие единого понятийного аппарата и акцент на разных формах интернет-активизма вносят свой вклад в разногласие между подходами.

Интернет-активизм: понятие и основные формы

В настоящее время используется довольно широкий набор терминов, обозначающих интернет-активизм: «цифровой активизм» (digital activism), «киберактивизм» (cyberactivism), «интернет-активизм» (internet-activism), «виртуальный активизм» (virtual activism), «активизм социальных сетей» (social media activism) и др. (Digital Activism Decoded..., 2010; Gerbaudo, 2017). Такое разнообразие, хотя и вполне естественно, но приводит к рассогласованности исследовательского поля.

Для того, чтобы определить какой термин является адекватным и наиболее используемым, был проведен количественный анализ публикаций в базе данных Web of Science Core Collection.¹ Анализ показал (см. табл. 1), что термин «цифровой активизм» является наиболее используемым. В русскоязычных исследованиях также чаще всего применяется понятие «интернет-активизм». Данный вывод может помочь в установлении единообразия и согласованности в исследовательском поле интернет-активизма, так как рассеивание исследований между взаимозаменяемыми понятиями препятствует преемственности и обмену результатами.

Таблица 1

Сравнение частоты использования терминов для обозначения интернет-активизма

Термины	Всего публикаций	Год последней публикации	Мак число цитирований	Итоговый балл
Digital activism	273	2021	293	0,99
Cyberactivism	128	2021	129	0,56
Social media activism	102	2021	119	0,48
Internet activism	58	2020	306	0,31
Virtual activism	9	2020	40	0,00

Источник: Web of Science Core Collection

Все исследователи отмечают многозначность термина «цифровой активизм», затрудняющий уточнение содержания понятия. Чаще используются широкие интерпретации понятия. На основе обзора исследований в области цифрового активизма А. Каун и Д. Ульдам (Kaun & Uldam, 2018) приходят к выводу, что «он может быть использован для обозначения активизма, использующего любые устройства с доступом в сеть, форм хактивизма, хештег-активизма, а также применения цифровых медиа в политических целях». (Kahn & Kellner, 2004). Другие исследователи также определяют «интернет-активизм» как наиболее широкое понятие, охватывающее его различные формы. Кроме хактивизма и хештег-активизма, также выделяются такие формы интернет-активизма, как «push-button» (Petraу, 2011) или слактивизм (McClennen, 2017).

Под хештег-активизмом понимается протестная деятельность, использующая хештеги в качестве главного инструмента для привлечения внимания общественности к проблеме и побуждению к активному обсуждению в социальных сетях. (Tombleson, 2017). Примерами хештег-активизма являются такие движения, как #bringourgirlsback, #equalityforall, #blacklivesmatter. В России хештег-активизм приобрел популярность сравнительно недавно, в качестве наиболее известных акций можно назвать российскую аналогию движения #metoo - #янебоюсьсказать и протесты в поддержку Ивана Голунова и Павла Устинова (#ямыиванголунов, #ямыпавелустинов). Данная форма интернет-

¹ Были посчитаны такие параметры, как количество публикаций, с упоминанием искомого понятия во всех полях статьи, в теме и в заголовке, год последней публикации (для установления, что термин является актуальным и использовался в недавних статьях), максимальное количество цитирований статьи, содержащей искомого слово. Показатели по каждому параметру были приведены к виду от 0 до 1, для определения итогового балла бралось среднее арифметическое. Все используемые значения и алгоритм поиска представлены в табл. 3 и 4.

активизма чаще всего встречается в исследованиях интернет-активизма (см. табл. 2).

Таблица 2

Формы интернет-активизма, наиболее часто встречающиеся в публикациях

Формы интернет-активизма	Всего публикаций	Год последней публикации	Мах число цитирований	Итоговый балл
Hashtag activism	76	2021	293	1,00
Data activism	65	2021	98	0,73
Hactivism	40	2020	58	0,45
Networked social movement	31	2021	74	0,43
Assertion	17	2021	29	0,29
Exposure	6	2021	52	0,26
Political consumerism	6	2021	13	0,23
Slactivism	7	2020	23	0,23
Botivism	2	2020	12	0,19
Digital petitions	2	2020	12	0,19
E-funding	1	2019	12	0,16
Metavoicing	1	2019	12	0,16
Push-button activism	1	2011	40	0,02

Источник: Web of Science Core Collection

Одной из форм интернет-активизма, часто привлекающей внимание исследователей, является слактивизм (иногда используют понятия «push-button» активизм, кликтивизм) (Kavada, 2015; Majchrzak et al., 2013; Baym, 2013). Термины слактивизм или кликтивизм используются для определения активизма, ограничивающегося лайками постов движения или их репостами (Vitak et al., 2011, cited in George & Leidner, 2019: 4). Некоторые исследования характеризуют слактивизм как форму протеста с минимальными рисками (Neumayer & Svensson, 2016), так как он не требует активных действий. Относительно данного явления пока остается много вопросов, например, не определены вклад слактивизма пользователей в развитие протеста и вероятность того, что пользователи перейдут от слактивизма к активным действиям. Хактивизм, в свою очередь, подразумевает незаконное использование компьютерных сетей с целью продвижения политических идей, идей свободы слова и защиты прав человека (Goode, 2015).

К указанному перечню форм Дж. Джордж, Д. Лейднер добавляют метавойсинг (metavoicing, все формы репостов и комментирования постов других авторов в социальных сетях), *assertion* (создание контента, то есть создание информационного поста, он может принимать любой вид, в том числе видео-, аудио-, картинок или текста), *e-funding* (использование технологий для получения финансирования для активистской деятельности, начиная со сбора средств на сайте организации или в социальных сетях, заканчивая майнингом криптовалюты), политический консьюмеризм (political consumerism, практика финансовой поддержки компаний, придерживающихся близких активисту принципов и бойкотирование компаний, нарушающих эти принципы, данный вид активизма существует как онлайн, так и офлайн, но он приобретает большее значение, когда становится вирусным в социальных сетях), цифровые петиции (digital petitions, данная практика является распространенной, но отличается в различных странах; общая концепция заключается в составлении запроса в правительство страны или другие структуры, который должен собрать определенное количество подписей для того, чтобы получить ответ), ботивизм (botivism, данный термин образован из слияния двух слов «бот» и «активизм», он применяется к активизму, который использует ботов в своей деятельности), активизм, основанный на данных (data activism, включает в себя все формы активизма, направленного на борьбу с

неравенством в доступе к данным и их обработке), *exposure* (несанкционированное распространение конфиденциальной информации), и др (George & Leidner, 2019).

Несколько особняком в перечне основных форм интернет-активизма стоят «гибридные (сетевые) социальные движения». Под ними понимаются социальные движения, в основе организации которых лежит использование информационно-коммуникационных технологий, в частности, социальных медиа. Сетевые социальные движения впервые стали объектом изучения М. Кастельсом, Дж. Донованом и Дж. Джурисом (Castells, 2012; Donovan, 2016; Juris, 2012). Если представить формы протестов на одной прямой в зависимости от того, насколько они виртуальны, то сетевые социальные движения будут находиться посередине между хештег-активизмом и социальными движениями. Отличительной особенностью сетевых социальных движений является наличие офлайн-протестов. Дж. Донован подчеркивает, что в случае с сетевыми социальными движениями, информационно-коммуникационные технологии позволяют сформировать сообщества и коллективную идентичность. Примерами сетевых социальных движений являются Occupy Wall Street, Indignados (15M).

Все обозначенные выше формы активности в разной степени стали объектами исследований (см. табл. 2), но по-видимому можно считать, что приведенный выше перечень в целом охватывает все формы интернет-активизма. Анализ публикаций показал, что такие составляющие, как хештег-активизм, активизм, основанный на данных, и хактивизм чаще становятся самостоятельными объектами исследования. Анализ позволил увидеть, какие формы интернет-активизма имеют больше значения для исследовательского поля.

Этапы развития цифрового активизма

В современной литературе встречается несколько периодизаций интернет-активизма. А. Каратцоянни выделяет 4 волны интернет-активизма: (1) движение Сапатиста 1994 г. и движение антиглобалистов, (2) вспышка интернет-активизма 2001–2007 гг., по большей части, организованного против войны в Ираке, (3) волна интернет активизма после 2007 г. в странах БРИКС, которая вытекала из интернет-активизма в Европе и США 2001–2007 гг., (4) волна активизма в 2010–2013 гг., преимущественно связанная с государственным наблюдением, раскрытая Wikileaks (Karatzogianni, 2015). Однако данная периодизация ограничивается исключительно деятельностью на просторах Интернета и не учитывает гибридные формы активизма, например, такие как Occupy Wall Street.

П. Джербаудо (P. Gerbaudo) ограничивается только двумя этапами в развитии цифрового активизма: 1) развитие автономных протестов исключительно в Интернете (до 2010 г.); 2) развитие гибридных форм протестов (с 2010 г.) (Gerbaudo, 2017). Обе периодизации указывают на существенные различия интернет-активизма в разные временные периоды.

Теоретические подходы

В объяснении феномена интернет-активизма имеет место широкая вариативность подходов и мнений относительно того, в какой степени Интернет изменяет процессы, управляющие коллективным действием, и в какой мере традиционные теории социальных движений могут объяснить новые формы участия. Политические социологи рассматривают интернет-активизм как форму гражданского вовлечения. Исследователи, изучающие коммуникации анализируют интернет-активизм как вид политически ориентированных коллективных действий. В настоящее время главный вопрос, стоящий перед исследователями интернет-активизма можно сформулировать следующим образом: имеет ли место фундаментальное отличие интернет-активизма от офлайн-активизма (Earl et al., 2010). Отвечая на этот вопрос, исследователи разделились на два лагеря. Одни исследователи полагают, что интернет-активизм – это одна из современных форм общественно-политической активности, указывая, что у интернет-активизма нет продолжительного эффекта (Diani, 2000; Tilly, 2004); другие полагают, что интернет-активизм фундаментально меняет активистскую деятельность (Myers, 1994; Fisher, 1998; Bennett, 2008).

Дж. Эрл, К. Кимпорт, Г. Прието и К. Руш считают, что разногласия вызваны тем, что объектом исследования разных школ являются разные виды интернет-активизма, и предлагают 4-категорийную типологию для определения различия между видами интернет-активизма (Earl et al., 2010). Данная типология основывается на том, в какой степени активисты задействуют Интернет. (1) Первый тип (*brochure-wage*, Интернет вместо печатных брошюр) использует Интернет исключительно как канал информирования. В данном случае интернет преимущественно рассматривается как не-

зависимые медиа. (2) Второй тип (online facilitation of offline activism / интернет-активизм, способствующий организации офлайн-активизма) служит не только для распространения информации, но и для удобства самих протестующих, другими словами, Интернет является пространством, где осуществляется координация движений. (3) Третий тип интернет-активизма (online participation / онлайн участие) подразумевает участие в протестных акциях в Интернете. Наконец, (4) четвертый тип интернет-активизма – организованный онлайн-активизм. В данном случае движения полностью организованы с помощью сайтов, блогов. В организованном интернет-активизме вся протестная деятельность осуществляется онлайн. Авторы типологии отмечают, что исследователи, в фокусе внимания которых были третий и четвертый типы активизма, чаще приходили к выводу о том, что данная область требует нового теоретического подхода.

Похожую, но более обобщенную типологию предлагает С. Вег. Исследователь выделяет два вида интернет-активизма: (1) движения, использующие Интернет в качестве дополнительного канала коммуникации (internet-enhanced), и (2) движения, организованные преимущественно с помощью Интернета (internet-enabled) (Vegh, 2003).

Необходимость новой теоретической модели определяется особенностями форм интернет-активизма, которые отмечают исследователи. Например, Дж. Эрл и А. Шосман отмечают, что движения, в большей степени ориентированные на онлайн-организацию (в типологии, приведенной ранее, это онлайн-участие и организованный онлайн-активизм), во-первых, иначе реагируют на репрессии, во-вторых, чаще в качестве их организаторов выступают активисты, не имевшие опыта активизма (Earl & Schussman, 2003, cited in Earl et al., 2010), в-третьих, эти организаторы имеют другие приоритеты и интересы (Earl & Kimport, 2008, cited in Earl et al., 2010). Этот тип интернет-активизма реже становится объектом исследований, в то время как в Интернете на данный вид интернет-активизма приходится 31% ссылок (Earl et al., 2010). Таким образом, четвертый тип интернет-активизма демонстрирует наибольшие различия с офлайн протестными акциями и требует иного теоретического подхода, в то же время данный тип является наименее изученным, несмотря на достаточное количество кейсов.

Примерами теоретического подхода, предполагающего, что интернет-активизм не имеет фундаментальных отличий от социальных движений, являются подходы М. Лим и Е. Трере.

М. Лим предлагает трехуровневый анализ социальных движений, изучая, во-первых, корни социального движения – проблемы, которые лежат в основе социальной системы¹; во-вторых, процесс развития социального движения, что позволяет определить, какую роль играют социальные медиа в механизме движения; в-третьих, агентов (маршрутизаторов) – людей, сообществ и прочих акторов (в том числе виртуальных), делающих вклад в формирование сети социального движения. Данный подход дает целостную картину феномена (Lim, 2018). В развитие данного подхода Е. Трере исследовал более тесное взаимодействие технологий массовых коммуникаций и социальных движений. Анализируя воздействие сетевой коммуникации на социальные движения, Е. Трере делает акцент на предпосылках развития сетевого социального движения, указывая, что они являются последствием продолжающегося конфликта. Особенность подхода Е. Трере заключается в том, что он больше внимания уделяет историческим предпосылкам условий коммуникации, которые формируют практики использования технологий для возникновения и развития социального движения (Treré 2018).

Таким образом, оба исследователя рассматривают интернет-активизм в неразрывной связи с социальными движениями, делая акцент на социокультурных условиях.

Противоположного подхода придерживаются Л. Беннет и А. Седжеберг. Исследователи полагают, что использование социальных сетей качественно меняет социальные движения: ключевым фактором в интернет-активизме становится коммуникация, позволяющая распространять сообщение среди сетей каждого отдельного пользователя (Bennet & Segeberg, 2013). Авторы отмечают, что сложные социальные, экономические и политические проблемы приобретают отражение в коротких персонализированных сообщениях, которые удобно разместить в личном аккаунте в социальных сетях. Так, например, PPF использовал такие слоганы, как штурмуй банки, ешь богатых («storm the banks», «eat the rich»), движение #YoSoy132, гласившее «ты 132-ой». Таким образом, Л. Беннет и А. Седжеберг (Bennet & Segeberg, 2012), противопоставляют фреймы индивидуального действия, как особенность сетевых социальных движений, фреймам коллективного действия, как присущим традиционным социальным движениям (personal action frames and collective actions frames).

¹ Например, такими корнями в Арабской весне являются большая доля молодых людей в структуре населения, безработица и низкий уровень жизни, которые приводят к проблемам безопасности и межэтническим конфликтам.

Л. Беннет и А. Седжеберг считают, что организацию сетевых социальных движений можно объяснить логикой соединительных действий (*connective actions*), в то время как традиционные социальные движения имеют логику коллективных действий. Тем не менее, социальное движение может сочетать в себе оба типа организации. Они выделяют 3 типа социальных движений: традиционные коллективные действия (*collective actions*) и 2 типа социальных движений, в основе которых лежит новая логика соединительных действий.

Первый тип соединительных действий отличается самоорганизацией, отсутствием центральных или лидирующих активистов, использованием технологий в качестве важного организационного агента. Формальные организации могут выступать акторами в данном типе коллективных действий, однако, их роль не является ключевой. В качестве примера исследователи приводят движение *Indignados*. Второй тип соединительных действий является переходным между двумя крайностями. Он включает в себя организацию социальных структур с целью мобилизации ресурсов и формирования коалиции, исключая при этом создание «бренда» организации и коллективную идентичность. Например, в протесте «*Occupy Wall Street*» участвовали полуформальные организации с формальным разделением труда, ответственные за распределение средств, продовольствия и координацию действий. Тем не менее, определяющую роль в развитии движения играла самоорганизация в интернет-пространстве. Более того, сами организации, подстраиваясь под новую логику мобилизации, способствуют развитию сети со слабыми социальными связями, оставляя без внимания такие аспекты как, идеология или самоидентификация. Таким образом, данный подход акцентирует внимание на сетевой коммуникации между участниками движений и позволяет определить отличительные особенности интернет-активизма, однако не предлагает конкретных инструментов анализа.

Часть исследований, использует существующие инструменты теории социальных движений, адаптируя ее для анализа интернет-активизма. Примером такого подхода является исследование Д. Фрилона, Ч. Макуэйн и М. Кларк (*Freelon et al., 2018*). Целью исследования является определение характеристик интернет-активизма, которые служат показателями их «успешности» и измерение уровня влияния *BlackLivesMatter*. Под успешностью исследователи понимают последствия деятельности движения – ответ со стороны политической элиты и влияние на принятие решения. Модель количественного измерения влияния основана на цифровых следах активности в социальных сетях, таких как ретвиты, хештеги и аккаунты. Для анализа исследователи адаптируют концепцию Ч. Тилли, согласно которой социальные движения обладают 4 характеристиками (*WUNC*) – представлением о важности (*worthiness*), единством (*unity*), численностью (*numbers*) и обязательствами (*commitments*) со стороны самих участников (Тилли, 2019). Ч. Тилли указывает на то, что данные характеристики также могут служить для составления индекса влияния социального движения.

Интерпретация концепции Ч. Тилли, адаптированная для онлайн-движения, включает в себя три компонента из четырех: единство, численность и обязательства. Под единством понимаются внешние проявления общности (ношение определенных предметов одежды или других символов) или иное прямое подтверждение общей идентичности. Для интернет-активизма таким проявлением единства являются хештеги. Например, для движения, организованного в целях привлечения внимания к проблеме большого количества случаев, когда полицейский стрелял в невооруженного афроамериканца, создание хештегов на основе имени жертвы стало распространенной практикой настолько, что появилось выражение «стать хештегом», что значит стать жертвой (*Moodie-Mills, 2015*).

Исследователи предполагают, что количественный анализ хештегов отражает данную характеристику социального движения, свидетельствуя, как минимум, о том, что участники движения транслируют единое сообщение. Недостаток организованности (в данном случае речь идет о наличии разных хештегов, посвященных одному движению) свидетельствует о разобщенности. Для оценки уровня единства применяется коэффициент Джини, который используется в экономике для определения уровня неравенства. В экономике высокий коэффициент свидетельствует о концентрации наибольшей доли доходов у небольшой группы лиц, а в анализе интернет-активизма высокие значения свидетельствуют о концентрации наибольшей доли твитов среди небольшого количества хештегов, следовательно, о высокой координации и групповой идентификации.

Вторым оцениваемым показателем является численность движения. В основе оценки численности движения лежит метод сетевого анализа под названием определение сообщества (*community detection*). Применительно к сетевым социальным движениям он заключается в кластеризации пользователей в зависимости от ретвитов, то есть все пользователи, опубликовавшие твиты, которые содержали определенный набор хештегов, были разделены на сообщества. В зависимости от упоминаний и ретвитов, исследователи выделили сеть пользователей, в качестве связи между пользователями

служили ретвиты. В результате были выделены 10 наиболее крупных сообществ. Наконец, обязательства участников. Ч. Тилли определяет их как готовность активистов к долгосрочному участию. В данном случае исследователями были использованы лонгитюдные данные. Разбив всех участников движения на сообщества, исследователи проследили деятельность каждого из сообществ изо дня в день. В данном исследовании устойчивость выражалась в пропорции числа участников сообщества к числу тех, кто опубликовал хотя бы один твит в день на протяжении трех дней. Таким образом, чем выше данный показатель у сообщества, тем более устойчивую готовность продвигать идею социального движения имеют его участники, и соответственно, чем доля ниже, тем менее стабильным является сообщество и с большой долей вероятности не сформируется снова в случае повторного возникновения волны движения. В результате анализа исследователи пришли к выводу, что среди выделенных показателей, наиболее надежным является показатель готовности участников к длительным обязательствам (commitment). Данный показатель лучше других предсказывает получит ли движение ответ со стороны политической элиты или нет.

Таким образом, среди разных точек зрения на вопрос о необходимости нового теоретического подхода к изучению интернет-активизма можно выделить три основные. Во-первых, направление исследований, рассматривающее интернет-активизм в качестве составляющей части социального движения. Теоретический подход данного направления исследований подразумевает комплексное изучение социального движения: историко-культурный аспект, характер использования Интернета участниками движения. Данный подход не всегда применим, так как не всегда возможно определить исторические предпосылки интернет-активизма. Во-вторых, направление исследований, рассматривающих интернет-активизм как кардинально новый вид коллективных действий, требующий нового теоретического подхода. Так как отличия между социальными движениями вне Интернета и интернет-активизмом, преимущественно основанном на информационных технологиях, действительно есть, данное направление требует последующих разработок самостоятельных теоретических подходов. На данном этапе развития исследовательского поля данное направление не предлагает практической методологии анализа интернет-активизма. В-третьих, промежуточное направление, которое адаптирует существующие теоретические подходы к анализу интернет-активизма, позволяет встроить исследования интернет-активизма в теорию социальных движений, а также определить, какие аспекты аналитических моделей не применимы к исследованию интернет-активизма.

Заключение

Исследовательское поле интернет-активизма сравнительно новое и отличается разнообразием понятий, которыми обозначается как сам интернет-активизм, так и его формы. Анализ публикаций показал, что наиболее предпочтительным термином является «интернет-активизм» («digital activism»). Постепенный отход от использования таких мало распространенных понятий, как кибер-активизм «cyberactivism», виртуальный активизм «virtual activism», обозначающих интернет-активизм, позволит данному исследовательскому полю прийти к большей согласованности и преемственности. Анализ публикаций показывает, что некоторые формы интернет-активизма чаще выступают в качестве самостоятельного объекта исследования. Причиной, по которой некоторые формы интернет-активизма чаще, чем другие, становятся объектом исследований, заключается в том, что, во-первых, они являются наиболее значимыми и востребованными, во-вторых, они демонстрируют более заметные различия с активностью в офлайн-пространстве.

В литературе довольно отчетливо выделяется три основных подхода к анализу интернет-активизма: 1) комплексный подход, рассматривающий интернет-активизм как социальное движение, 2) подход, адаптирующий теорию социальных движений для анализа интернет-активизма, 3) подход, рассматривающий интернет-активизм как качественно отличную от социальных движений деятельность и выступающий за необходимость создания новой теории. Нам представляется, что наиболее продуктивным является второй подход, поскольку он позволяет, во-первых, декомпозировать интернет-активизм на известные элементы, во-вторых, определить какие из традиционной теории социальных движений не вполне применимы к интернет-активизму и, в-третьих, выделить общее и особенное в онлайн- и офлайн активизме.

Список литературы / References

- Тилли, Ч. (2019) *От мобилизации к революции*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики», 432 с. [Tilli, Ch. (2019) *From mobilization to revolution* [Ot mobilizatsii k revolyutsii]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russ.)].
- Baym, N. (2013) 'Data not seen: The uses and shortcomings of social media metrics', *First Monday*, 18(10), DOI: 10.5210/fm.v18i10.4873.
- Bennet and Segeberg (2012) 'The logic of connective action', *Information, Communication and Society*, pp. 739–768, DOI: 10.1080/1369118X.2012.670661.
- Bennett, L. (2008) *Changing Citizenship in the Digital Age*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Castells, M. (2012) *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Malden, MA: Polity Press.
- Diani, M. (2000) 'Social Movement Networks Virtual and Real', *Information, Communication and Society*, 3(3), pp. 386–401, DOI: 10.1080/13691180051033333.
- Donovan, J. (2016) "'Can You Hear Me Now?'" Phreaking the Party Line from Operators to Occupy', *Information, Communication & Society*, 19 (5), pp. 601–617, DOI:10.1080/1369118X.2016.1139610.
- Earl, J et al. (2010) 'Changing the world one webpage at a time: conceptualizing and explaining internet activism', *Mobilization*, 15(4), pp. 425–446, DOI: 10.17813/maiq.15.4.w03123213lh37042.
- Earl, Kimport (2008) 'The Targets of Online Protest: State and Private Targets of Four Online Protest Tactics', *Information, Communication and Society*, 11(4), pp. 449–472, DOI: 10.1080/13691180801999035.
- Earl, Schussman (2003) 'The New Site of Activism: On-Line Organizations, Movement Entrepreneurs, and the Changing Location of Social Movement Decision-Making', *Research in Social Movements, Conflicts and Change*, 24, pp. 155–187, DOI: 10.1016/S0163-786X(03)80024-1.
- Earl, Schussman (2004) 'Cease and Desist: Repression, Strategic Voting and the 2000 Presidential Election', *Mobilization*, 9(2), pp. 181–202, DOI: 10.17813/maiq.9.2.jluq072540827q77.
- Fisher, Dana R. (1998) 'Rumoring Theory and the Internet: A Framework for Analyzing the Grass Roots', *Social Science Computer Review*, 16(2), pp. 158–168.
- Freelon, McIlwain, and Clark (2018) 'Quantifying the power and consequences of social media protest', *New Media & Society*, 20(3), pp. 990–1011, DOI: 10.1177/1461444816676646.
- Gerbaudo, P. (2017) 'From cyber-autonomism to cyber-populism: an ideological history of digital activism', *Triplec: Communication, Capitalism & Critique*, 15(2), pp. 478–491, DOI: https://10.31269/triplec.v15i2.773.
- Goode, L. (2012) 'Anonymous and the political ethos of hacktivism', *Popular Communication*, 13(1), pp. 74–86, DOI: 10.1080/15405702.2014.978000.
- Jordana, J. (2019) 'From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism', *Information and Organization*, 29(3), DOI:10.1016/j.infoandorg.2019.04.001.
- Juris, Jeffrey (2012) 'Reflections On #Occupy Everywhere: Social Media, Public Space, and Emerging Logics of Aggregation', *American Ethnologist*, 39 (2), pp. 259–279, DOI: 10.1177/0163443711411009.
- Kahn and Kellner (2004) 'New Media and Internet Activism: From the 'Battle of Seattle' to Blogging', *New Media & Society*, 6(1), pp. 87–95, DOI: 10.1177/1461444804039908.
- Karatzogianni, A. (2015) *Firebrand Waves of Digital Activism 1994–2014: The Rise and Spread of Hacktivism and Cyberconflict*. London: Palgrave Macmillan.
- Kaun and Uldam (2018) 'Digital activism: After the hype', *New Media & Society*, 20(6), pp. 2099–2106, DOI: 10.1177/1461444817731924.
- Kavada, A. (2015) 'Creating the collective: Social media, the Occupy Movement and its constitution as a collective actor', *Information, Communication & Society*, 18(8), pp. 872–886, DOI: 10.1080/1369118X.2015.1043318.
- Kuo, R. (2018) 'Racial justice activist hashtags: counterpublics and discourse circulation', *New Media & Society*, 20(2), pp. 495–514, DOI: 10.1177/1461444816663485.
- LaGraffe, D. (2012) 'The youth bulge in Egypt: An intersection of demographics, security, and the Arab Spring'. *Journal of Strategic Security*, 5(2), pp. 65–80.

- Lance and Segeberg (2013) *The logic of connective action*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Langer et al. (2015) 'How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks', *Advanced in Political Psychology*, 39(1), pp. 85–118, DOI:10.1111/pops.12478.
- Lim, M. (2018) 'Roots, Routes, and Routers: Communications and Media of Contemporary Social Movements', *Journalism & Communication Monographs*, 20(2), pp. 92–136, DOI: 10.1177/1522637918770419.
- Majchrzak, et al. (2013) 'The contradictory influence of social media affordances on online communal knowledge sharing', *Journal of Computer-Mediated Communication*, 19(1), pp. 38–55, DOI:10.1111/jcc4.12030.
- McClennen, S. A. (2017) 'What's Wrong with Slactivism? Confronting the Neoliberal Assault on Millennials', *Cultural Logic: A Journal of Marxist Theory & Practice*, 22, pp. 297–310.
- Moodie-Mills, D. (2015) 'OpEd: are we all just one bullet away from becoming a hashtag? NBC New'. URL: <https://www.nbcnews.com/storyline/walter-scott-shooting/oped-are-we-all-just-one-bullet-away-becoming-hashtag-n338111> (дата обращения: 30.03.2020).
- Myers, Daniel J. (1994) 'Communication Technology and Social Movements: Contributions of Computer Networks to Activism', *Social Science Computer Review*, 12(2), pp. 251–260.
- Neumayer, C. and Svensson, J. (2016) 'Activism and radical politics in the digital age: Towards a typology', *Convergence*, 22(2), pp. 131–146. DOI: 10.1177/1354856514553395.
- Petray, T. L. (2011) 'Protest 2.0: online interactions and Aboriginal activists', *Media, Culture & Society*, 33(6), pp. 923–940, DOI: 10.1177/0163443711411009.
- Salge and Karahanna, (2018) 'Protesting Corruption on Twitter: Is It a Bot or Is It a Person?', *Academy of Management Discoveries*, 4(1), pp. 32–49, DOI: 10.5465/amd.2015.0121.
- Shirky, C. (2011) 'The political power of social media: Technology, the public sphere, and political change', *Foreign Affairs*, 90(1), pp. 28–41.
- Tombleson and Wolf (2017) 'Rethinking the circuit of culture: How participatory culture has transformed cross-cultural communication', *Public Relations Review*, 43(1), pp. 14–25. DOI: 10.1016/j.pubrev.2016.10.017.
- Treré, E. (2018) 'The Sublime of Digital Activism: Hybrid Media Ecologies and the New Grammar of Protest', *Journalism & Communication Monographs*, 20(2), pp. 137–148. DOI: 10.1177/1522637918770435.
- Vegh, S. (2003) 'Classifying Forms of Online Activism: the Case of Cyberprotests against the World Bank' in: *Cyberactivism: Online Activism and Theory and Practice*, edited by Martha McCaughey and Michael D. Ayers. New York: Routledge, pp. 71–95.
- Vitak et al, (2011) 'It's complicated: Facebook users' political participation in the 2008 election', *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 14(3), pp. 107–114, DOI:10.1089/cyber.2009.0226.
- Wellman, B. (2000) 'Physical Place and Cyberspace: the Rise of Networked Individualism', *International Journal of Urban and Regional Research*, 25(2), pp. 227–252.

Статья поступила в редакцию: 26.06.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 15.10.2021

Статья принята к печати: 10.11.2021

DIGITAL ACTIVISM: FORMS AND THEORETICAL APPROACHES

A. A. Briukhanova

A. A. Briukhanova, Postgraduate student at the Graduate School in Sociological Sciences, National Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow.
E-mail: briukhanovaa@mail.ru (ORCID: 0000-0003-4412-3814).

Abstract

The article is devoted to the concept of digital activism, it reviews terms, forms and current theoretical approaches. The question of the place of digital activism in socio-political science remains open. Some researchers argue that digital activism has no lasting effect, so there is no need to create new theoretical approaches. Others advocate that digital activism has its distinct features therefore the development of a special theoretical approach is needed. Furthermore, there is an intermediate opinion that suggests updating existing models of social movement analysis to study digital activism. We conclude that the latter point of view is the most productive as it allows us to examine specific cases of digital activism and determine which components of digital activism distinguish it from social movements and which, on the contrary, bring it closer together. This approach may justify the formation of a theoretical basis for the study of digital activism. In addition, the article addresses the issue of consistency in the use of terms denoting digital activism and confusion in the study of various forms of digital activism. An analysis of publications in the Web of Science Core Collection database reveals that the term "digital activism" is the most preferred term for Internet activism.

Keywords: digital activism; cyberactivism; social media activism; internet activism; virtual activism; forms of digital activism; hashtag activism; connective actions; collective actions.